

Оливия
Лэнг

Тело
каждого
Книга
о свободе

Оливия ЛЭНГ

Тело каждого: книга о свободе

«Ад Маргинем Пресс»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

Лэнг О.

Тело каждого: книга о свободе / О. Лэнг — «Ад Маргинем Пресс», 2021

ISBN 978-5-91103-620-1

«Тело каждого. Книга о свободе» — это художественное исследование долгой борьбы за телесную свободу, от прав ЛГБТК и сексуального освобождения до феминизма и движения за гражданские права. Взяв за основу жизнь и идеи психоаналитика-расстриги Вильгельма Райха, автор увлекает читателя в путешествие через веймарский Берлин в тюрьмы Америки эпохи Маккарти, исследуя разнообразные оттенки прямо понятой «свободы» и преграды, возникавшие на ее пути. Смешивая в своем фирменном стиле факты, интерпретации и личный опыт, Лэнг наполняет свою книгу голосами значительных и сложных фигур прошлого века, среди которых Нина Симон, Кристофер Ишервуд, Андреа Дворкин, Зигмунд Фрейд, Сьюзен Сонтаг и Малкольм Икс. В формате PDF А4 сохранён издательский макет.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-91103-620-1

© Лэнг О., 2021
© Ад Маргинем Пресс, 2021

Содержание

1. Машина освобождения	6
2. Недуг	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Оливия Лэнг

Тело каждого. Книга о свободе

Ребекке и Пи Джесю с любовью и благодарностью

OLIVIA LAING

EVERYBODY
A BOOK ABOUT FREEDOM

Copyright © Olivia Laing 2021
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2022

* * *

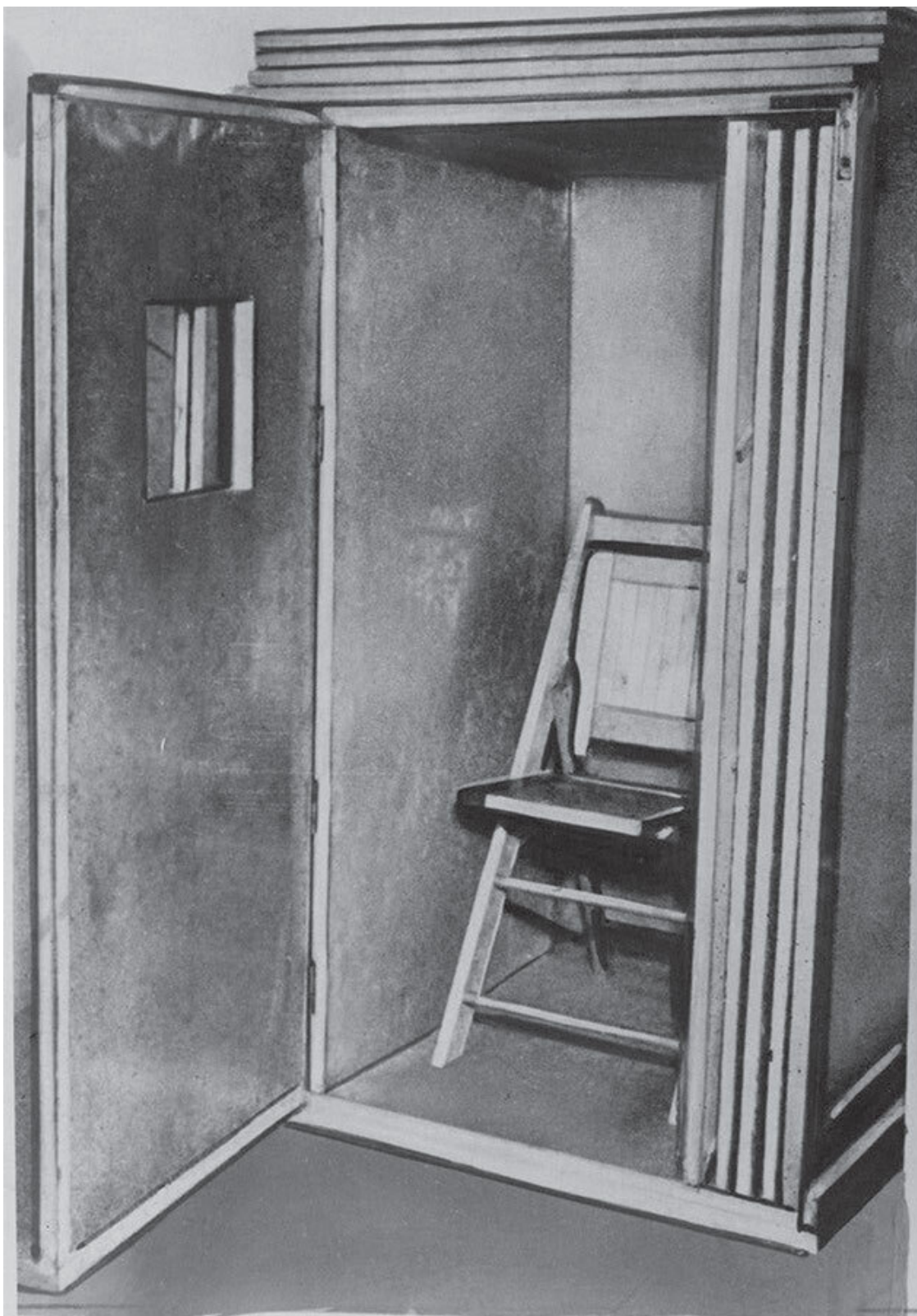
Я НЕ ХОЧУ БОЛЬШЕ ТЕЛА. К ЧЕРТУ ТЕЛО.
Райан Трекартин. Sibling Topics

В МОЕЙ ЖИЗНИ ПОЛИТИКА НЕ ПРОХОДИТ БЕССЛЕДНО – ОНА
СЛУЧАЕТСЯ В МОЕМ ТЕЛЕ.
Кэти Акер. Кровь и срач в средней школе

РАЗВЕ НЕЛЬЗЯ СКАЗАТЬ, ЧТО НЕКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
СУЩНОСТЕЙ МОЖЕТ ПРОИСХОДИТЬ И ПОСТОЯННО ПРОИСХОДИТ
В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ТЕЛЕ?
Эдвард Карпентер. Совершеннолетие любви

МОЮ ЖИЗНЬ НЕКРЕПКО ДЕРЖАТ ЗРЯЧИЕ РУКИ ДРУГИХ.
Фрэнк О'Хара. Поэт

1. Машина освобождения

Органый аккумулятор (Torfoto)

Как-то на последнем году двадцатого века я увидела в аптеке лекарственных трав в Брайтоне розовое объявление с каймой из нарисованных от руки петелек-сердец. Объявление смело утверждало, что любые недуги – от головных болей и простуды до злости и депрессии – вызывает невысвобожденная энергия прошлых травм, и течение этой энергии можно восстановить посредством телесной терапии. Конечно же, утверждение было по меньшей мере сомнительным, но мысль о том, что тело – это хранилище эмоциональных переживаний, взволновала меня. С детства я не могла избавиться от ощущения, будто я держу в себе что-то, будто я заперла внутри какое-то загадочное несчастье и не могу осознать его причину. Я была так скована и напряжена, что от любого прикосновения подскакивала, как захлопнувшаяся мышеловка. Что-то во мне застряло, и мне не терпелось это что-то выпустить на волю.

Терапевтка Анна принимала клиентов в невзрачной комнатке на верхнем этаже своего дома. В углу стоял профессионального вида массажный стол, но в целом в обстановке преобладала несколько неряшливая домовитость. Всюду пузырились подушки с рюшами. Я сидела лицом к шкафу, в котором теснились куклы и игрушки из благотворительного магазина в ожидании своего выхода в гештальт-пантомиме. Иногда Анна брала смеющуюся обезьянку, прижимала ее к груди и начинала тоненьким голосом говорить о себе в третьем лице. Я не желала играть в эту игру – представлять, что на пустом кресле сидит член моей семьи, или дубасить подушку бейсбольной битой. Я слишком стеснялась и болезненно осознавала, как нелепо я выгляжу, но при всем моем смущении от кривляний Анны я понимала, что она обладает некой внутренней свободой, мне недоступной.

При первой возможности я предлагала ей оставить разговоры и перейти к массажу. Мне не нужно было полностью раздеваться. Анна надевала стетоскоп и начинала легонько обрабатывать неожиданные части моего тела; она не то чтобы мяла их, но как будто приказывала мышцам расслабиться. Иногда она наклонялась ко мне и слушала, приложив головку стетоскопа к животу. Чаще всего по моему телу словно начинала течь энергия – от брюшной полости к ногам, где я ощущала покалывание, как от прикосновений щупалец медузы. Это было приятное чувство, не совсем сексуального характера, скорее похожее на прочищение какого-то упрямого застоя. Я никогда не говорила ей об этом, а она никогда не спрашивала, но ради этого я в основном и продолжала к ней ходить: чтобы еще раз испытать новизну живого, трепещущего тела.

Я начала видаться с Анной, когда мне было двадцать два, и в тот момент тело интересовало меня больше всего. Тело обсуждалось в очень ограниченном ряде тем, особенно в популярной культуре, и чаще всего речь шла либо о том, как оно выглядит, либо о том, как максимально эффективно поддерживать его здоровье. Тело как набор поверхностей разной степени привлекательности. Идеальное, недостижимое тело, такое гладкое и блестящее, будто и не человеческое вовсе. Чем его кормить, как за ним ухаживать, в чем оно может – о ужас – отклониться от нормы или не выдержать сравнения. Но меня из всех аспектов тела интересовал человеческий опыт жизни в нем, опыт обитания в сосуде катастрофически уязвимом, непредсказуемо восприимчивом к удовольствию и боли, ненависти и желанию.

Я выросла в нетрадиционной семье в восьмидесятых, во времена действия гнусной Двадцать восьмой статьи – гомофобного закона, запрещавшего учить детей в школе «приемлемости гомосексуальности как предполагаемых семейных отношений»¹. Когда ты знаешь, что государство так относится к твоей собственной семье, у тебя складывается определенное представление о положении тела в иерархии ценностей, в чем его свободы поощряются, а в чем ограничиваются в зависимости от свойств, на которые, по большому счету, никак нельзя повлиять – от цвета кожи до сексуальной ориентации. Каждый раз на сеансе психотерапии я чув-

¹ Local Government Act. 1988.

ствовала наследие того времени в своем теле в виде узлов стыда, страха и ярости, которые я с трудом могла выразить в словах, не то что развязать.

Пускай мое детство научило меня, что мир ограничивает свободу тела как объекта, в то же время во мне укоренилось представление о теле как о самостоятельной движущей силе свободы. Впервые я оказалась на гей-прайде в девять лет; я чувствовала тела, марширующие рядом со мной по Вестминстерскому мосту, и это совершенно новое соматическое ощущение прочно укоренилось во мне. Мне казалось очевидным, что мир можно изменить только так – телами вышедших на улицы. В подростковом возрасте я стала ходить на протесты, когда осознала весь ужас нависшей климатической катастрофы, и меня настолько поглотил экологический активизм, что я бросила университет и поселилась в доме на дереве в дорсетском лесу, на месте которого собирались проложить шоссе.

Мне нравилось жить на природе, но при всем моем упоении использовать свое тело в качестве инструмента сопротивления оказалось изнурительно. Законы постоянно менялись. Полицейский контроль ужесточался, и несколькими моим знакомым грозил серьезный тюремный срок по новой статье о посягательстве приотягчающих обстоятельствах. За свободу приходилось платить, в том числе собственным телом, живя под постоянной угрозой физического заключения. Как и многие другие активисты, я выгорела. Летом 1998 года на кладбище в Пензансе я села на скамью и заполнила заявку на обучение на кафедре фитотерапии. На момент своей первой встречи с Анной я училась там второй год.

Тогда я этого не знала, но ее терапевтический метод изобрел в 1920-х годах Вильгельм Райх, один из самых странных и опередивших свое время мыслителей двадцатого века, человек, посвятивший свою жизнь изучению непростых отношений между телом и свободой. Какое-то время Райх считался самым выдающимся среди учеников Фрейда (*der beste Kopfe* – «лучшей головой» в психоанализе). Еще будучи молодым психоаналитиком в послевоенной Вене, он начал подозревать, что его клиенты носят в своих телах опыт прошлых лет и эмоциональные переживания в виде напряжения, которое он сравнил с броней. В течение последующих десяти лет он разрабатывал революционную систему телесной психотерапии, особенно обращая внимание на то, как каждый клиент держит себя. «Он слушал, наблюдал, даже трогал, мял и ощупывал, – вспоминал его сын Питер. – Какой-то поразительный инстинкт подсказывал ему, где в теле человека застыли воспоминания, ненависть, страх»². К удивлению Райха, эмоциональная разрядка часто сопровождалась приятным покалывающим чувством, которое он называл течением, – без сомнения, то самое чувство, которое я испытала на массажном столе у Анны.

Многие пациенты Райха в Вене принадлежали к рабочему классу. Выслушивая их истории, он начал осознавать, что их проблемы и душевные тревоги были следствием не только детского опыта, но также и социальных факторов, таких как нищета, плохие жилищные условия, домашнее насилие и безработица. На жизнь каждого индивидуума явственно накладывают отпечаток внешние силы, и вреда они способны причинить не меньше, чем главный предмет интереса Фрейда – горнило семьи. Райх, большой любитель рискованных затей, провел годы перед Второй мировой в попытках сплавить воедино две основные системы диагностики и лечения человеческого несчастья, а именно добиться продуктивного диалога между наследием Фрейда и Маркса, чем вызвал неудовольствие последователей обоих.

Секс всегда составлял ядро его понятия о свободе, и в 1930 году он переехал в Берлин – город, зажатый, словно в тисках, между двумя катастрофами: прошлой и грядущей, где на оставшихся от предыдущей войны руинах буйным цветом зацвели новые идеи о сексуальности. Райх верил, что секс, освобожденный от вековых оков табуирования и постыдности, сможет изменить мир, но свою деятельность в Берлине ему пришлось резко прекратить с приходом к

² Reich P. A Book of Dreams [1974]. John Blake, 2015. P. XI.

власти Гитлера весной 1933 года. Той осенью, сосланный в Данию, он написал книгу «Психология масс и фашизм» – проницательный анализ того, как Гитлер использовал бессознательные сексуальные тревоги, в том числе страх заражения и инфекции, чтобы подхлестнуть анти-семитские настроения.

Первая прочитанная мной книга Райха называлась «Люди в беде»; это воспоминания о его политической жизни в Вене и Берлине. Я купила ее на процветавшем в девяностых воскресном рынке на парковке у станции «Брайтон»; она называлась так же, как один из моих любимых романов, чем и привлекла мое внимание. При том что написана книга была в пятидесятых, в ней нашли отклик мои воспоминания о том, как я сама попала в активизм, как я радовалась и отчаивалась в своих попытках агитировать за политические перемены. Райх писал не изящно, в отличие от Фрейда, и доводы его звучали не так отполированно и складно. Часто в его словах могла послышаться заносчивость или даже паранойя, но привлекло меня чувство безотлагательной важности. Он как будто писал на поле боя, сгорбившись над блоком, составляя масштабный план действий для дарования реальным людям свободы – большей, чем у них есть сейчас.

Его идеи показались мне настолько созвучны моему времени, что я не могла понять, почему я никогда о нем не слышала ни в кругах активистов, ни во время учебы. Только много позже я узнала, что его не особенно уважают и не обсуждают из-за крайностей второй половины его жизни, на фоне которых первая несколько померкла. Его радикальные, опередившие свое время мысли о сексе и политике, к которым он пришел в довоенной Европе, оказались погребены под весом куда более странных идей, появившихся у него в годы ссылки: от псевдонаучных теорий о болезнях до проекта космической пушки для управления погодой.

После эмиграции в Америку в 1939 году Райх приобрел известность не как психоаналитик или активист, а как ученый, гордо пренебрегающий экспертной оценкой своих коллег – главным двигателем академического прогресса. Вскоре после переезда он заявил, что открыл универсальную энергию, дарующую жизнь всему живому. Он нарек ее оргоном и в своей лаборатории в Нью-Йорке соорудил машину для аккумуляирования ее целительных свойств. Учитывая, к каким последствиям эта машина привела своего создателя, есть некая ирония в том, что универсальный лечебный аппарат Райха представлял собой деревянную клетку размером чуть меньше телефонной будки, в которой пациент торжественно заключал сам себя.

Райх верил, что оргонный аккумулятор автоматизирует работу по освобождению и устранит необходимость в трудоемкой психотерапии лицом к лицу. Он также полагал, что его прибор способен излечивать болезни, в частности рак. Это последнее утверждение стало предметом громкого журналистского расследования, которое, в свою очередь, привлекло внимание Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, инициировавшего почти десятилетнее расследование лечебной эффективности оргонного аккумулятора. Седьмого мая 1956 года Райха приговорили к двум годам лишения свободы за отказ остановить продажу своего изобретения. Весной того же года его отправили в федеральную тюрьму Льюисберга, штат Пенсильвания.

Изобретатель оргона – это и есть Райх! Я подумать не могла, что это один и тот же человек. Подростком я обожала Уильяма Берроуза, а Берроуз в юности помешался на Райхе. Его письма сороковых и пятидесятых годов пестрят отсылками к Райху и его оргонным ящикам. Синее мерцание оргонной энергии, «вибрирующий беззвучный гул густого леса и оргонных аккумуляторов»³ пропитывают атмосферу его книг и насыщают ее апокалиптическим ужасом: «сообщение об оргазме принято и передано»⁴. Как и многие представители контркультуры, Берроуз сам делал оргонные аккумуляторы. Первый, который я увидела в своей жизни, – это

³ Берроуз У. Голый завтрак [1959] / пер. В. Когана. М.: АСТ, 2010. С. 257.

⁴ Burroughs W. The Ticket That Exploded. John Calder, 1968. P. 76.

тот ржавый ящик на фотографии 1993 года с Куртом Кобейном, сделанной в саду дома Берроуза в Канзасе. Кобейн машет рукой из иллюминатора в двери – печальный, привязанный к земле астронавт, застывший во времени за шесть месяцев до своего самоубийства. Каждый раз, глядя на этот снимок, я видела в нем запоздалое обличие Райха и его безнадежной аферы.

* * *

Я не вспоминала о Райхе до печального 2016 года. За несколько лет критической точки достигли две проблемы, связанные с телами: кризис беженцев и движение «Black Lives Matter». В Европу на дырявых лодках пытались доплыть беженцы из регионов, принародно подвергнутых страшным разрушениям, а люди называли их паразитами и жуликами, попутно желая им утонуть. Переплывшие Средиземное море оказывались загнаны в лагеря, с большой вероятностью – навсегда. Присутствие этих отчаявшихся тел использовали ультраправые, чтобы нарастить свое влияние в Европе, а в Великобритании с его помощью подхлестывали ксенофобную истерию в рамках кампании Брексита.

Тем временем в Америке в 2013 году возникло движение «Black Lives Matter» как реакция на освобождение белого мужчины, убившего Трайвона Мартина, безоружного черного подростка. Несколько лет участники «Black Lives Matter» протестовали против регулярных убийств мужчин, женщин и детей – афроамериканцев представителями полиции: убит за то, что продавал сигареты, играл с игрушечным пистолетом, потянулся за водительским удостоверением, спал у себя дома. Казалось, будто демонстрации в Фергюсоне, Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Окленде, Балтиморе и прочих городах по всей стране способны изменить положение вещей, но 8 ноября 2016 года за Дональда Трампа, едва скрывающего свои взгляды сторонника белого превосходства, проголосовало достаточное количество людей, чтобы он стал сорок пятым президентом США.

И вновь, как встарь, всюду трубили о различиях между телами. Слова и фразы, немислимые десять лет назад, звучали в газетах и из уст политиков стран, еще недавно считавшихся бастионом либеральной демократии. Право на аборт ограничили и вовсе отменили в нескольких штатах США, в то время когда даже в Ирландии началась легализация абортот. В Чечне сажали в концентрационные лагеря мужчин-геев, завуалированно называя это «профилактическими мерами». Права любить, мигрировать, собираться на протестные акции, размножаться или отказываться размножаться подвергались почти таким же жестким гонениям, как во времена Райха.

Складывалось впечатление, будто великие освободительные движения двадцатого века провалились: победы феминизма, борьбы за права геев и гражданские права человека если и значили что-то, то теперь сошли на нет. Я росла в тесном контакте с этими движениями, и мне никогда не приходило в голову, что болезненный, чудовищно медленный прогресс, ими достигнутый, можно будет так быстро отменить. Каждой борьбе было свойственно одно: стремление избавить тело от оков стигмы и стыда и превратить его в источник солидарности и силы, способный требовать и добиваться перемен.

К этому всегда стремился Райх, и теперь, когда и мой век погружался во мрак, меня не оставляло чувство, что в его трудах осталось нечто неисследованное и крайне важное. Его идеи, словно капсулы времени, наполовину погребенные под грузом истории, всё еще теплились жизнью. Я хотела откопать их и в мерцании огней двадцать первого века разглядеть их связь с современностью. Что Райх пытался понять, так это само тело: почему в нем так сложно обитать, почему одни хотят из него вырваться, а другие – подчинить его, почему оно остается оголенным источником власти даже в наши дни. Эти же вопросы не давали покоя и мне в самые разные периоды моей жизни.

Я пришла в ужас от его псевдонаучных теорий об оргоне, но тогда же я задумалась об уроках, которые можно извлечь из истории его краха. Всю свою карьеру он стремился к освобождению тела и тем не менее закончил ее в тюремной камере, доведенный паранойей до сумасшествия, – удел нередкий для борцов за свободу. История его непростой жизни как будто пролила свет на времена, в которых мне самой довелось жить. Почему его деятельность свернула в катастрофически далекое от изначального русло и что это говорит нам о борьбе более масштабной, в которой его фигура сыграла столь активную, яркую роль? Мне казалось, в момент нового кризиса понять его неудачи так же важно, как и несомненно продуктивные идеи.

Как выяснилось, влияние Райха имело силу куда большую, чем я осознавала в девяностых. Именно он ввел в употребление термины «сексуальная политика» и «сексуальная революция», хотя надеялся он скорее на свержение патриархального капитализма, нежели на пропитанную кислотой свободную любовь шестидесятых. Андреа Дворкин, одна из многих феминисток, вдохновленных его трудами, называла его «самым оптимистичным борцом за сексуальную свободу, единственным мужчиной, который действительно презирал сексуальное насилие»⁵. Джеймс Болдуин читал Райха; читала его и Сьюзен Сонтаг. Даже после смерти он продолжил жить в поп-культуре. Песня Кейт Буш «Cloudbusting» увековечила долгую судебную тяжбу из-за оргонных аккумуляторов, а ее настойчивый, заикающийся припев – «I just know that something good is going to happen» («Я просто хочу знать, что случится что-то хорошее») – транслирует манящую, утопическую атмосферу идей Райха.

Меня завораживала его жизнь, пересказанная в блестящей и гнетущей биографии авторства Кристофера Тёрнера под названием «Приключения в оргазматроне», однако больше всего меня приводил в восторг тот факт, что Райх сводил воедино самые разные аспекты телесного: от болезни до секса, от протестов до тюрьмы. Именно эти резонирующие области я хотела исследовать, и я выбрала Райха своим проводником на пути сквозь двадцатый век, стремясь понять те силы, которые и сегодня по-прежнему определяют и ограничивают телесную свободу. По дороге мне встретилось много других мыслителей, активистов и творцов: кто-то напрямую вдохновлялся его работами, а кто-то пришел к схожим идеям иными путями.

Райх подвел меня к размышлениям о болезни – явлении, которое, как никакое другое, сталкивает нас лицом к лицу с нашей телесной природой, которое делает нас одновременно пронцаемыми и смертными. Одна из самых спорных теорий Райха заключалась в том, что за болезнью кроется смысл. Сьюзан Сонтаг критиковала его в своей «Болезни как метафоре», однако чем больше я узнавала о ее опыте проживания рака груди, тем больше мне казалось, что реальность болезни в нашей жизни куда более личная и сложная, чем Сонтаг готова была признать в печати. В своем дневнике в больнице она писала: «Мое тело говорит громче и понятней, чем когда-либо под силу было мне»⁶.

Я не разделяла точку зрения Райха, что оргазм способен свернуть патриархат или остановить фашизм (Болдуин в эссе о Райхе связал: «Люди, в окружении которых я рос, кончали регулярно, и это не мешало им каждый субботний вечер резать друг друга бритвами»⁷), но его труды о сексе привели меня в Берлин Веймарской республики – родину современного движения за сексуальное освобождение, многочисленные победы которого как будто таяли с каждым днем. Райх безусловно верил в освободительный потенциал секса, тем не менее сексуальная свобода – вещь не такая простая, какой мы иногда хотим ее видеть, поскольку граничит с насилием и принуждением. Погружение в эту мрачную сторону секса открыло для меня кубино-американскую художницу Ану Мендьету, радикальную феминистку Андреа Дворкин и самого

⁵ Dworkin A. Intercourse: Twentieth Anniversary Edition [1987]. Basic Books, 2007. P. 179.

⁶ Roiphe K. The Violet Hour: Great Writers at the End. The Dial Press, 2016. P. 44.

⁷ Baldwin J. The New Lost Generation // J. Baldwin. Collected Essays. Library of America, 1998. P. 663.

маркиза де Сада – исследователей одной из самых сложных областей телесных переживаний, где удовольствие пересекается с болью и бывает ей подчинено.

Несмотря на безумные теории позднего Райха, его борьба с Управлением по санитарному надзору и последующее заключение были напрямую связаны с проблемами, решение которых он пытался найти на протяжении жизни. Что значит свобода? Кому она нужна? Какую роль играет государство в ее поддержании и ограничении? Как ее достичь: отстаивая права тела или, как считала художница Агнес Мартин, наоборот, отказываясь от тела? Райховская машина освобождения, может, и не помогала от рака и простуды, но она обличила систему контроля и наказания, невидимую до тех пор, пока ты не переступишь черту.

Его заключение в федеральной тюрьме Льюисберга подтолкнуло меня к осмыслению парадоксальной истории движения за тюремные реформы и знакомству с радикальными идеями Малкольма Икса и Байарда Растина. Они, в свою очередь, открыли для меня мир политического активизма и протеста, борьбу тела за лучший мир. Тогда же я узнала о художнике Филипе Гастоне, запечатлевшем тех, кто пытается ограничить свободу, в карикатурных, гротескных формах, а еще о певице Нине Симон, которая всю жизнь пыталась выразить, каково же это – достичь заветной мечты Райха и быть свободным.

Как и все эти люди, Райх хотел, чтобы мир стал лучше, а значит, он верил, что это возможно. Он считал, что эмоции и политика постоянно влияют на человеческое тело, и верил, что и то, и другое поддается преобразованию и улучшению, что даже в наш поздний век Эдем можно вернуть. Свободное тело – какая прекрасная идея! Несмотря на то, что случилось с Райхом, и на судьбу движений, в которых я участвовала, сквозь десятилетия я всё еще чувствовала этот трепещущий оптимизм: наши тела полны силы, и, более того, сила эта у них есть не вопреки, а благодаря их очевидной уязвимости.

2. Недуг

Портрет Сьюзен Сонтаг, сидящей на подоконнике. Фото Марсии Резник. 1977 (Getty)

В семнадцать лет у меня были нерегулярные месячные, а еще акне; первое моя мать сочла достаточно тревожным сигналом, чтобы показать меня специалисту. Мы поехали на машине в Лондон в знойный день мимо пыльных платанов на Кромвель-роуд. В клинике меня отчитали за то, что я приехала с пустым мочевым пузырем, и заставили в наказание выпить несколько стаканов газировки. Специалистка ультразвуковой диагностики поводила датчиком по моему животу, а потом врач сообщил, что у меня поликистоз яичников и для зачатия мне понадобится ЭКО. Позже выяснилось, что это не так, да и в любом случае говорить такое девочке-подростку, пожалуй, опрочметчиво.

Заболевание мое было загадочным и по сути неизлечимым: гормональное нарушение, которое проявляется образованием множества наполненных жидкостью фолликулов в яичниках. К симптомам относятся акне, набор веса, выпадение волос и избыточное оволосение; всё это связано с повышенным уровнем тестостерона. Лечиться мне предложили единственным способом – как ни иронично, приемом противозачаточных таблеток, от которых у меня будет хотя бы иллюзия регулярных месячных и, может быть, уменьшатся прыщи, хотя мелкий шрифт предупреждал о возможности и обратного эффекта.

Стояла середина девяностых, и я была помесью панка и хиппи со стрижкой undercut и колодой Таро, обернутой черным шелком. Я не хотела принимать таблетки от симптомов, причину которых не понимала. Большую часть времени я ощущала себя несуразным оккупантом собственного тела. Я воспринимала его как животное, с которым нельзя договориться, как глупую и не всегда послушную лошадь: она шла куда-то без меня, и тот факт, что мое тело отказывалось работать по часам, обостряло во мне ощущение мистификации. Иногда по ночам я лежала в кровати и пыталась спроецировать свое астральное тело на потолок. А бывало, я просыпалась и понимала, что мое тело парализовано и неподвижно, как бревно, – много лет

спустя я узнала, что этот жуткий феномен называется сонным параличом. Я лежала и концентрировала всю свою энергию на непосильной задаче – пошевелить пальцем ноги и рассеять чары. Вдруг я такой бы и осталась, и никто бы не знал, что я всё еще есть внутри?

Примерно в то время мне попался в руки «Холистический травник» Дэвида Хоффмана – библия хиппи с гипнотической спиралью из цветов на обложке. Под его добродушным руководством я начала экспериментировать с травами, записывая свойства и противопоказания в дневник. Я покупала сушеные листья малины и целомудренника в местном магазине натуральных продуктов и пыталась с их помощью нормализовать свои месячные. Звучит как снадобье из сказки, но эти травы обладали реальными, объективными целебными эффектами, по крайней мере в отношении моих яичников.

После мимолетного романа с факультетом английской литературы и года в протестных лагерях я решила поступить на кафедру фитотерапии. Измотанная и выгоревшая после протестов, я невыносимо хотела сделать со своей жизнью что-то положительное, внести вклад в будущее, безопасное для окружающей среды. Я хотела упорядочить свое понимание тела, и меня завораживала мысль о том, что у него есть свой язык, не похожий на речь, но столь же выразительный и содержательный, состоящий из симптомов и ощущений вместо слов. Ученая степень Микки-Мауса, как говорил мой отец, но я вложила в свое образование полные четыре года микки-маусовых трудов плюс базовый годичный курс, чтобы компенсировать пробелы в естественных науках в моем аттестате. Большинство предметов были стандартными, как в любом медицинском вузе, но на курсах лекарственных веществ и ботаники нам преподавали модули и с более колдовским уклоном.

Следующие два года я рисовала каждую кость, мускул и орган в человеческом теле, запоминая их функции и имена, вплоть до самых маленьких косточек в ладони, полулунной и гороховидной, названных так из-за их формы. На коричневой пергаментной бумаге я чертила схемы метаболических преобразований внутри крошечных фабрик клеток. Сначала у меня было только грубое представление о том, как работает тело, но я упорно шла вперед – в восторге и немного в ужасе от того, сколько моей жизни проходит под ватерлинией сознательного контроля. Постепенно понимание становилось четче. Тело – это устройство по обработке внешнего мира, машина трансформации; оно копит, преобразует, выкидывает, разбирает на запчасти.

Мы изучали идеальное тело, его теоретическую версию, а потом – что с ним могло пойти не так, проходили сотни заболеваний, каждое со своей характерной патологией. Процесс отсеивания болезней по признакам называется дифференциальной диагностикой. Мы учились распознавать сердечную недостаточность по утолщению концевых фаланг пальцев, отличать экзему от псориаза по высыпаниям, определять гипертиреоз по глазам навыкате и учащенному пульсу, а синдром Кушинга – по фигуре типа «лимон на палочках».

Нас посвятили в искусство медосмотра в учебной клинике района Бермондси в Лондоне (до джентрификации), где мы полдня, хихикая и смущаясь, меряли друг у друга давление и пальпировали печени и почки, которые нужно было резко зажать ладонями, словно скользкий кусок мыла. Всё имело значение. Если пациент вздрагивал при нажатии у основания ребра, это могло быть признаком заболевания желчного пузыря. Если ногти загибались вниз, как ложки, это могло значить железодефицитную анемию или гемохроматоз. Огромный объем информации сбивал с ног, но при этом имел удивительно упорядоченный характер, по крайней мере на бумаге.

Я начала работать с пациентами на втором курсе. Клиника находилась в центральном Лондоне и предлагала субсидии на медицинские услуги, поэтому контингент там встречался более разнообразный, чем обычно бывает в частных медицинских учреждениях. Мне быстро стало понятно, что постановка диагноза – процесс совсем не такой простой и прямолинейный, каким его описывал Дэвидсон в «Принципах и практике медицины». Для начала, люди

часто страдают не одним заболеванием, но сразу несколькими. У старика одновременно могут быть диабет, сердечное заболевание и отекающие лодыжки; у девочки-подростка – болезнь Рейно, болезненные месячные и депрессия. Мне приходилось скрупулезно оценивать каждый симптом и искать его причину, прежде чем даже начинать думать о плане лечения.

Фитотерапия – это медицина повествования, сказал как-то мой преподаватель, и мне запомнилась эта фраза. Перед тем как выписать рецепт в конце приема, львиную долю часа ты слушал пациента и получал представление об истории его жизни, отпечатанной в теле. Из всех методик лечения эта ближе всего к психотерапии, к исцелению через разговор. Меня поражало, как сами пациенты понимали свое тело, как они видели неразрывную связь между своим физическим и эмоциональным опытом. Кто-то говорил, что развод привел к обострению цистита; кто-то считал опухоль следствием давней трагедии; потерявшие близких страдали от язвы или теряли голос, как знаменитая пациентка Фрейда Дора.

После получения диплома я открыла свою практику в городе Хоув. У меня был просторный белый кабинет, окнами в вытянутый сад, куда мне, правда, нельзя было выходить. В другом конце коридора находилось крошечное помещение для изготовления лекарств, где я на старых латунных весах отвешивала таволгу и лаванду для травяных чаев, откапывая гири в пять и десять граммов и чихая от клубов пахучей пыли, – мне всё еще иногда снится, как я это делаю. Пациентов я принимала самых разных возрастов, от младенцев до глубоких старцев. Ко мне приходили девушки с анорексией и целые семьи с тревожным расстройством. Ко мне приходили люди, у которых мучительно не выходило зачать ребенка, женщины, настолько одинокие, что их одиночество уже переросло в болезнь, мужчины, которым на этом свете оставались считанные недели. Я слушала их истории, и, хотя я знала, что одному пациенту нужно выписать бучу и хвощ, а другому – душистую фиалку и тысячелистник, мне всё равно казалось, что главным образом я оказываю им помощь, давая возможность выговориться, играя роль свидетеля, перед которым они целиком разматывали спутанный клубок своих недугов. Сам процесс как будто уже был частью исцеления, и тем больше меня завораживала загадочная природа болезни, приходящей и отступающей путями не всегда видимыми.

В то время распространился тлетворный образ мышления, особенно среди нью-эйджистов и сторонников альтернативной медицины, согласно которому все заболевания вызывает негативное психологическое состояние, а тело – это арена, где подавленные или нераспознанные эмоции сеют хаос. Одним из главных распространителей таких теорий стала пожилая американка по имени Луиза Хэй, бывшая модель с бело-золотыми волосами и упругим, подтянутым лицом, ставшая миллионершей благодаря своему учебнику по самопомощи под названием «Исцели себя сам». Книга разошлась тиражом в пятьдесят миллионов экземпляров и стала одним из самых читаемых произведений в жанре нон-фикшен в истории. После развода с мужем в конце 1960-х Хэй начала ходить в спиритуалистическую церковь, где ее познакомили с понятием позитивного мышления. Она утверждала, что только с помощью него исцелилась от рака шейки матки (когда в 2008 году репортер «Нью-Йорк таймс» попросил ее предоставить какие-либо доказательства, она сказала, что уже давно пережила всех докторов, кто мог подтвердить ее диагноз).

Во вселенной Хэй разум куда сильнее тела. Она утверждает, что болезнь, даже такая серьезная, как рак, может сама по себе исчезнуть, если проработать стоящее за ней душевное страдание, – не нужны ни лекарства, ни терапия, лишь позитивная аффирмация, заключающаяся в повторении формул вроде «Я прекрасный человек» или «Я излучаю здоровье». Проще, чем выучить алфавит, – а в 2004 году она как раз выпустила «букварь» заболеваний и их психологических причин: акне вызывает нелюбовь к себе, артрит пальцев – желание наказать себя, а астму – подавленные слезы. Рак – это обида и ненависть, а полиомиелит – парализующая зависть (недуг, конечно, внезапно ставший очень редким в Англии после 1950-х, когда изобрели вакцину от полиомиелита).

Меня не удивило, что она стала одним из самых продаваемых авторов всех времен, всего на одну ступень ниже титанов вроде Даниэлы Стил и Агаты Кристи. Почему-то спокойнее верить, что болезнь – это следствие, ответ на подавленные эмоции и непереваренные травмы, чем принять экзистенциальный ужас случайности, знание, что напасть может случиться в любой момент с каждым, каким бы хорошим, невинным или эмоционально здоровым человеком он ни был. Вера в то, что болезнь возникает в результате работы нашего разума, как будто дает пациенту власть над ней и вместе с тем – страшное чувство вины. Что меня больше всего раздражало в теории Хэй, так это то, что она возлагала ответственность за болезнь на того же, кто от нее страдает. Эта теория противоречит науке и, сверх того, несет в себе еще более коварную мысль: у тела есть правильное состояние, любое заболевание или дисфункция – это результат неудачи, а физическое здоровье – награда за душевное равновесие.

Мой личный опыт общения с пациентами дал мне уверенность, что отношения между телом и психикой куда сложнее, чем предполагает модель Хэй или допускает официальная медицина. Иногда очевидно, что эмоциональные переживания лежат у истоков физических симптомов (к примеру, доказано, что прошлые психические травмы в значительной степени влияют на работу иммунной системы, как описывает психиатр Бессел ван дер Колк в книге «Тело помнит всё»). Но влияние это не всегда простое и не всегда однонаправленное. Мои пациенты болели, и болезнь заставляла их задуматься о других аспектах своей жизни. Болезнь позволяла им распознать или выпустить наружу боль, которую они раньше игнорировали, и служила готовым языком для выражения чего-то иного.

В конце четвертой части «Патрика Мелроуза» романист Эдвард Сент-Обин так точно передал этот феномен в словах, что я вздрогнула, прочитав их:

[Его тело было кладбищем похороненных эмоций; симптомы его недугов концентрировались вокруг одного и того же фундаментального ужаса... Частое мочеиспускание, синдром раздраженного кишечника, боль в пояснице, нестабильное давление, подскакивающее от нормального до опасно высокого за несколько секунд – от скрипа половицы или от мысли о другой мысли, и властвующая над ними тирания бессонницы – всё это указывало на тревожность столь глубокую, что она подмяла под себя инстинкты и автоматические процессы в теле. Можно изменить поведение, скорректировать отношение, трансформировать мировосприятие, но сложно что-то сделать с соматическими привычками младенчества. Как младенцу выражать себя, когда у него еще нет личности, когда у него еще нет слов, чтобы выразить то, чего у него еще нет? В изобилии ему доступен только бессловесный язык травм и болезней⁸.]

Этот бессловесный способ выражения я и стремилась понять – понять тело и его упрямый, неуловимый язык.

* * *

Осознавали они это или нет, но и Сент-Обин, и Хэй испытали на себе влияние Вильгельма Райха. В корне всех его идей, хороших и не очень, лежит одна-единственная мысль, к которой Райх пришел в Вене в межвоенный период: наши тела без нашего ведома несут в себе нашу историю, все те вещи, которые мы пытаемся игнорировать или отрицать. Из этого зерна впоследствии выросли его представления о свободе, но оно же стало источником сомнительных и даже опасных теорий о здоровье, которые он развил в Америке.

⁸ St. Aubyn E. At Last. Picador, 2011. P. 171–172.

В 1918 году двадцатидвухлетний Райх, солдат еврейского происхождения без гроша за душой, приехал в Вену после трех лет службы офицером пехоты в Австро-Венгерской армии – трех лет в грязи окопов итальянского фронта. Огромная империя, в которой он вырос, потерпела сокрушительное поражение, оставив его без дома, куда он мог бы вернуться. Его родители погибли, когда он был еще подростком, а роскошное семейное поместье в Буковине пришло в запустение во время русского вторжения. После падения Австро-Венгерской империи в ноябре того же года поместье оказалось на территории Румынии (а ныне Украины). На то, чтобы отсудить свой дом обратно, у Райха не было денег.

Город, в который его занесло, тоже переживал не лучшие времена. Вена потеряла статус столицы благополучной и многонациональной империи, – прежде за несметные богатства и роскошь ее называли «городом мечты». Новоявленная Республика Германская Австрия утратила две трети своих довоенных территорий, лишившись доступа к основным источникам топлива и продовольствия. К тому времени, когда Райх там оказался – вместе с волной тысяч мигрирующих солдат, таких же, как он, бездомных и обездоленных, – крона уже почти ничего не стоила из-за гиперинфляции. Древесина была в таком дефиците, что мертвых хоронили в картонных гробах. Многие из них пали жертвой эпидемии испанского гриппа, бушующей на руинах города.

В тот год рацион Райха составляли овсянка и сухофрукты, по воскресеньям – кусок пирога с вареньем, и восьмушка батона хлеба на неделю. Но тосковал он не по мясу и сливочному маслу. Он отчаянно желал интеллектуальной деятельности, русла, куда он мог бы направить свою буйную энергию и могучий ум, и искал любви, дружеского общения и секса. Его будущая свояченица, с которой он познакомился в то время, навсегда запомнила, какое впечатление на осиротевшего юношу произвел теплый прием ее семьи. Ее словами о нем иной описал бы бродячего пса: «открытый, потерянный, жадный до заботы не меньше, чем до еды»⁹. Прочие друзья говорили о Вилли, как его все звали, что он талантлив, деятелен, куда энергичнее окружающих, но в то же время грубоват, не уверен в себе и надменен, склонен к приступам ревности и подавленности. При его красоте и эффектности можно было и не заметить, что его кожа покрыта красными зудящими бляшками от псориаза – заболевания, которым он страдал с детства.

В октябре Райх поступил в Венский университет на факультет юриспруденции, но после одного скучного семестра решил вместо этого изучать медицину – куда более близкий ему по духу предмет, хотя условия его жизни в тот момент оставались суровыми. Комнатушка, где он ютился вместе с младшим братом Робертом и еще одним студентом, была такая холодная, что даже перчатки и шуба не спасли его от обморожения. Однажды он упал в голодный обморок прямо в аудитории. Роберт работал и помогал ему деньгами, но Райх всё равно нищенствовал до тех пор, пока не начал на втором курсе давать уроки младшим студентам – выматывающий труд, который отнимал у него драгоценные часы дня.

Несмотря на интерес к занятиям, главенствующая механистическая модель медицины расстраивала Райха. Он инстинктивно чувствовал, что чего-то не хватает: какой-то эссенции, энергии жизни, которую пока что никто не нашел и не вычислил. Анатомия – это, конечно, хорошо, но что делает его *им*, что двигает людьми на протяжении их жизни? В учебной программе не освещали вопросы секса, и не он один чувствовал, что это серьезное упущение. В январе на лекции по анатомии по аудитории от парты к парте прошел листок с приглашением на неформальный семинар по секретному, постыдному предмету секса. На этом семинаре Райх впервые узнал о поразительных идеях Зигмунда Фрейда.

Как и Райх, Фрейд был нерелигиозным галицким евреем и студентом изучал медицину, и, как и Райх, он имел ненасытное любопытство, бойкость и большие интеллектуальные амби-

⁹ Sharaf M. Fury on Earth: A Biography of Wilhelm Reich. Da Capo Press, 1994. P. 51.

ции. Фрейд был ученым, называвшим себя «искателем приключений»¹⁰, страстным человеком, пустившим свою страсть в два глубоких русла: свою работу и курение, от которого он не желал отказываться, даже зная о его смертельном вреде. Своей первой исследовательской задачей он поставил изучение репродуктивных органов угрей. Постепенно он перешел к не менее загадочной области человеческого разума, погружаясь в эту темную пучину, как ныряльщик.

Дисциплина психоанализа была всего на год старше самого Райха. Фрейд дал ей название в 1896 году, через год после публикации своих революционных «Очерков об истерии», написанных в соавторстве с Йозефом Брейером, где он доказывал, что симптомы истерии – это следствие не сумасшествия, но подавленных воспоминаний о травме; скандальность этой теории он усугублял предположением, что травмы всегда имеют сексуальную природу. Позже он отказался от убеждения в повсеместной распространенности сексуального насилия и переключился на область бессознательных фантазий и влечений, однако всё равно настаивал на главенстве сексуальности, даже когда речь шла о младенцах и детях, что сделало его изгоем в академических кругах. На момент знакомства с Райхом Фрейду было шестьдесят три года; при мировом признании, в своем родном городе он был буквально отвергнут всеми: над ним смеялись, считали эксцентриком, если не отвратительным извращенцем.

Райха особенно восхитила теория Фрейда о либидо, в которой он увидел ответ на свои поиски той самой жизненной силы. Изначально под словом «либидо» Фрейд подразумевал исключительно энергию сексуального влечения, удовлетворяемого половым актом. Со временем он начал применять его более широко – в значении благотворной витальной силы, инстинктивной животной энергии, которая движет каждым человеком с момента рождения и которая может подвергнуться негативному влиянию или искажению в любой момент его развития. По Фрейду, либидо всегда стоит за любовью, страстью и привязанностью. Его точка зрения оказалась близка Райху, который в марте с воодушевлением писал в своем дневнике: «Я пришел к убеждению, что сексуальность – это ядро, вокруг которого вращается в той же мере социальная, в какой внутренняя жизнь индивидуума»¹¹.

Со свойственной ему предприимчивостью Райх решил нанести личный визит Фрейду в его квартире по адресу Берггассе, 19, и попросить список литературы для чтения к семинару. Я годами пыталась вообразить эту встречу. Райх поднялся по лестнице в своей армейской шинели, вошел в кабинет Фрейда, похожий на подzemелье, обросшее предметами старины, словно сотни цивилизаций прошли сквозь него, оставляя после себя маленькие реликвии. В этом не то музее, не то затопленном корабле царила тишина, и в центре восседал Фрейд, чуткий и энергичный, «как красивое животное», по словам Райха.

В те годы Фрейда окружали его ученики, но кому-то не хватало интеллекта, а кому-то – гибкости, как, например, Юнгу: тому в итоге пришлось убить своего «отца», чьего одобрения он однажды так искал. Оглядываясь на их первую встречу с высоты 1952 года, Райх говорил, что в этом конфликтном и неравном окружении Фрейд ощущал острое одиночество, что из-за отношения к его теориям он оказался в изоляции и страстно желал найти собеседника; эту потребность в поздние годы удовлетворила его младшая дочь Анна. Райх почувствовал со стороны Фрейда интерес и даже симпатию: быть может, вот он наконец, новый протез, одновременно даровитый и способный на преданность. Опускаясь на колени, Фрейд доставал с полки статьи и складывал их в стопку для чтения, через которую неискушенный юноша будет познавать мистическую природу бессознательного, запутанный, красноречивый мир снов, оговорок и шуток.

¹⁰ The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fleiss, 1887–1904 / ed. by Jeffrey Moussaieff Masson. Harvard University Press, 1985. P. 398.

¹¹ Reich W. The Function of the Orgasm. Panther, 1968. P. 44.

Спустя три с лишним десятилетия Райх всё еще отчетливо помнил изящные движения рук Фрейда, его живые глаза, приятные проблески иронии во всем, что он говорил. В отличие от других преподавателей, у которых он просил материалы для курса, Фрейд не пытался выдать себя за пророка или великого мыслителя. «Он смотрел тебе прямо в глаза. Он не вставал ни в какую позу»¹². Сейчас, с расстояния прошедших лет, очевидно, что они оба пришли друг к другу с грузом своих желаний и нужд, как всегда бывает, когда мы встречаем незнакомца и чувствуем тягу к нему, и что безнадежность этих ожиданий – найти любимого отца, найти преданного сына – сыграет тяжелую роль в их дальнейших отношениях.

Чувство моментальной связи закрепилось в Райхе, когда Фрейд направил к нему пациента, а потом почти сразу второго. В 1920 году в возрасте двадцати трех лет Райх формально вошел в состав Венского психоаналитического общества, все члены которого были минимум на двадцать лет его старше. Ему оставалось учиться на медицинском еще два года. Как пишет Кристофер Тёрнер в «Приключениях в оргазматроне», это не было из ряда вон выходящим случаем (так, еще несколько участников семинара по сексуальности последовали путем Райха). В начале двадцатых психоанализ «всё еще находился на некодифицированной, экспериментальной стадии, и практиковал его только узкий круг ревнителей»¹³. Им не обязательно было иметь соответствующее образование, и, хотя предполагалось, что новые психоаналитики сами должны подвергнуться анализу, официальным требованием это стало только в 1926 году. И всё же Райх был особенным. С его талантом и горящим интеллектуальным любопытством он подталкивал психоаналитиков города к жизни. Акула в пруду с карпами – так он однажды назвал себя.

Базовая техника психоанализа была тогда и остается сейчас очень простой. Психоаналитик садился в кресло, а пациент ложился перед ним на диван (у Фрейда он был с иранским покрывалом и россыпью бархатных подушек). Пациент не видел психоаналитика и просто расслаблялся, говоря всё, что приходит ему в голову, – этот процесс Фрейд называл свободной ассоциацией. Не нужно было ни задавать вопросы, ни предлагать решения. Всё, что тревожило пациента, волшебным образом всплывало на поверхность, в наэлектризованное пространство между его губами и ухом психоаналитика. Этот поток на первый взгляд случайных воспоминаний, снов и мыслей превращался в осмысленный материал путем коротких, метких интерпретаций, и в конце концов причина бед пациента становилась кристально ясной.

Изначально Фрейд пробовал телесный контакт с пациентами, но к моменту знакомства с Райхом его практика стала исключительно вербальной. Фрейд рассматривал физические симптомы истерического, символического характера, в которых читал зашифрованные послания о подавленных эмоциях. Немота Доры, запоры «человека-волка», отказ от еды Анны О. – всё это результат так называемой конверсии: отчаянные попытки сознания просигнализировать о проблеме где-то еще. Распутывая эти подсказки, искушенный аналитик обнаруживал безотчетные желания и защитные механизмы, саднящие и бурлящие далеко за гранью сознательного. Стоило пациенту вновь обрести утраченное воспоминание, как симптом исчезал.

Однако этот метод был несовершенен. Осознание причины переживаний не вело автоматически к решению проблемы, как когда-то надеялся Фрейд. Даже если ты с мучительным трудом докапывался до толчкового события, до похороненной травмы, пациенты не всегда начинали чувствовать себя лучше. И психоаналитик, и пациент застревали на этой неизученной территории между толкованием и исцелением. Не без конца же продолжать толковать сны?

Нетерпеливого Райха фрустрировал этот процесс, но раз не было правил, значит, он мог с полной свободой самостоятельно разрабатывать следующий шаг. Выслушивая пациента, он часто переключал внимание с его рассказа на его тело, настороженно застывшее на кушетке.

¹² Reich W. Reich Speaks of Freud [1967]. Pelican Books, 1975. P. 47.

¹³ Turner C. Adventures in the Orgasmatron. Fourth Estate, 2012. P. 22.

Что, если оно говорит нечто, не выразимое в словах? Быть может, эмоции, к которым пациенту так сложно найти доступ, спрятаны на самом видном месте. Быть может, прошлое хранится не только в памяти, но оставляет след и в теле тоже.

Райха интересовали не истерические симптомы и их расшифровка, а некая скованность, зажатость, отраженная во всем существе человека, постоянное напряжение такой силы и непробиваемости, что Райх сравнивал его с броней. Оно заметно в каждом действии пациента, от рукопожатия до улыбки и тона голоса. Райх предположил, что эта «броня характера» работает как защита от чувств, в особенности от тревоги, гнева и сексуального возбуждения. Если чувства причиняют слишком много боли и дискомфорта, если выражение эмоций не поощряется, а половое влечение находится под запретом, единственный выход – сжаться, запереть чувство на замок. В результате вокруг уязвимой личности человека образуется физический щит, защищающий его ценой невосприимчивости к удовольствию.

Проще всего понять теорию Райха можно, представив солдата: строевая выправка, каменная верхняя губа, тело, натренированное не поддаваться эмоциям. Не каждый проходит такую суровую муштру, но почти каждому в детстве внушают, что тот или иной эмоциональный опыт неприемлем, а то или иное желание постыдно. «Что ты как маленький», – скажет порой родитель, или: «Мальчики не плачут», и в итоге ребенок напрягает тело, пытаясь справиться с эмоцией и подавить ее. Райх пришел к осознанию, что этот процесс происходит перманентно, превращая тело в хранилище травматических воспоминаний и всевозможных запретных чувств.

Пока я писала это, случилась поразительная вещь. Бывший бойфренд прислал мне свой фильм о том, как его в семь лет отправили в школу-интернат. Фильм был сделан в технике покадровой анимации и рассказывал историю о похищении маленького чумазого мальчика с ногами иксом: его, завернутого в одеяло, запихивают в багажник автомобиля. «Мое тело застыло», – говорит голос за кадром, и вокруг несчастной обездвиженной фигуры начинают появляться слова: «Онемевшая шея. Головная боль. Боль в горле. Боли в спине. Боль в ногах». «Хотя, может, „похищение“ – неподходящее слово, – продолжает голос. – Всё было очень по-английски, сухо, без эмоций»¹⁴. Его похитителями были два самых любимых человека, которым он доверял больше всех на свете, и они отвезли его туда, где детям не давали проявлять чувства и издевались над ними. Теперь ему было под шестьдесят; с того дня он не мог плакать. Это именно то, о чем говорил Райх: прошлое похоронено в наших телах, каждая травма сохранена в мельчайших деталях и замурована живо.

Но осознание Райха не закончилось на этом. На протяжении следующего десятилетия он работал с телами пациентов – сначала вербально, а затем, в 1934 году, перешел к телесному контакту, что было категорически запрещено в психоанализе. С изумлением он обнаружил, что, прорабатывая области скованности – типично ассоциирующиеся с борьбой сжатые кулаки и напряженный живот, – он мог выявить и выпустить на волю эмоции, засевшие в них. Пациенты вспоминали давние инциденты, когда их стыдили или вторгались в их личное пространство, чувство ярости и отчаяние, которые они не смогли испытать в тот момент. Этот процесс часто сопровождался любопытным ощущением текущей по телу энергии – так называемого потока, который я испытала на себе во время терапии в Брайтоне.

Я всё еще могу воскресить это чувство в моем теле. Я помню напряжение, застывшее в шее, плечах и особенно в мышцах груди – области такого сильного дискомфорта, что в детстве я не выносила прикосновений к ней и даже сама не могла указать на нее, боясь приступа невыносимого унижения и ужаса, который я называла «тем чувством», сжимаясь еще сильнее, лишь бы не испытывать его. И так же хорошо я помню, как эти зоны скованности смягчались и расслаблялись и ощущение рябью и струйками растекалось по рукам и ногам; «плавилась тугая

¹⁴ Norton Grim and Me, dir. Tony Gammidge (2019).

плоть», о чем однажды молил Гамлет. Райх задался вопросом: что, если это и есть либидо, фрейдовская жизненная энергия, которую сначала перекрыли дамбой, а потом выпустили на свободу?

* * *

Концепция брони характера – самый долговечный вклад Райха в психоанализ. Это единственная из его теорий, которая входит в фундамент традиционной психоаналитики, и она же является основой телесно-ориентированной терапии и ее методов, ставших особенно популярными в шестидесятых, таких как гештальт-терапия, рольфинг и крикотерапия.

Среди многих людей, вдохновленных его теорией, была молодая Сьюзен Сонтаг, и в 1967 году она написала в своем дневнике поразительный пассаж о проблеме жизни в теле. Внутренний мир, размышляла она, куда более переменчив и текуч, чем тело, в котором он заключен. Она попыталась представить более подходящееместилище, например тело как газ или облако, которое может расширяться, сжиматься, даже распадаться на части и сплавляться обратно, набухать, становиться плотнее или разреженнее в зависимости от разных настроений человека. Но тело – это комок, упрямо твердый, почти неизменный. Оно вообще «едва ли нам подходит», писала она с досадой. «Раз мы не можем расширять + сжимать (наши тела), мы делаем их жесткими, закладываем в них напряжение. И это становится привычкой, становится константой, которая, в свою очередь, влияет на внутреннюю жизнь». Об этом теория брони характера Райха, добавила она, а потом вставила горестную фразу: «Несовершенное устройство! Несовершенное существо!»¹⁵

Сонтаг, писавшей эти строчки, было тридцать четыре; она только что издала свой первый сборник эссе, принесший ей широкую известность, – «Против интерпретации». На фотографии, сделанной в том году в ее квартире, Сонтаг, скромная красотка в балетках, в облегающем платье с принтом пейсли и с сигаретой в руке, с обожанием смотрит на своего тринадцатилетнего сына Дэвида, улыбающегося в камеру. Стену на заднем плане почти полностью закрывают книги и фотографии, на которые отбрасывают тень павлиньи перья в вазе. Пустая чашка из-под кофе завершает картину: интеллектуальная икона *in medias res*¹⁶.

Почти десять лет спустя Сонтаг еще раз упомянула броню характера в долгом, подробном интервью для журнала «Роллинг Стоун». Вновь она восхищалась теорией Райха о том, что люди хранят эмоции в своем теле в виде «скованности и антисексуальности».

«По моему мнению, – сказала она, – у Райха была одна идея, которая внесла потрясающий вклад в психологию и литературу, а именно идея брони характера. В ней он был совершенно прав»¹⁷. Для меня логично, что Сонтаг всецело приняла эту теорию. Ее собственное детство – печальная демонстрация того, как прошлое застревает в теле, словно кость в горле.

Отец Сьюзен, Джек Розенблатт, успешно торговал мехами и работал в основном в Китае (его родители, крестьяне, были из маленькой деревни в Галисии, меньше чем в ста пятидесяти километрах от места рождения Райха). Мать Сонтаг, Милдред, родила ее 16 января 1933 года в Нью-Йорке и затем вернулась в Китай, оставив Сьюзен на воспитание бабушки, бабушки и нелюбимой няни. По возвращении в Америку Милдред всё время говорила Сьюзен, что отец скоро приедет. А через четыре месяца, когда пятилетняя дочь обедала дома во время школь-

¹⁵ Sontag S. As Consciousness Is Harnessed to Flesh: Journals & Notebooks 1964–1980. Farrar, Straus and Giroux, 2012. P. 233–234.

¹⁶ В середине дела (лат.). Здесь: в естественной среде. – Примеч. пер.

¹⁷ Cott J., Sontag S. The Complete Rolling Stone Interview. Yale University Press, 2013. P. 41. Рус. пер.: *Комм Д.* Сьюзен Сонтаг. Полный текст интервью для журнала *Rolling Stone* / Пер. В. Болотникова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 49.

ного перерыва, она позвала ее в гостиную и сказала: «Твой отец умер». Теперь иди поиграй на улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.